

Мартин Мюллер, Ирина Троцук

Проект сильной России в элитном образовании путинского периода: взгляд с позиций постструктуралистской теории дискурса¹

Статья предлагает взглянуть на проект сильной России и его взаимоотношения с Западом в контексте постструктуралистской теории дискурса Лаклау и Муффа. На основе результатов девятимесячного этнографического исследования в Университете МГИМО (Московском государственном институте международных отношений МИД России), главной кузнице будущих российских элит, авторы показывают, насколько идентификация с сильной Россией имплицитно неоднозначна: любые высказывания о ней всегда подразумевают высокую вероятность России слабой, что не позволяет подобной идентификации утвердиться. Поэтому проект сильной России испытывает свою ущербность: он явно неполон и незавершен, но именно эти черты определяют саму возможность его осуществления.

Россия – великая держава?

В ходе и сразу после югоосетинского конфликта в августе 2008 г. в заголовках западных газет зазвучала удивительно знакомая риторика: *The Australian* заявила, что «Медведь вернулся»; немецкая *Die Zeit* увидела, что Запад столкнулся с «Российской угрозой»; журнал *Time*, вполне в духе эпохальных «Звездных войн», обозначил ситуацию как «Империя наносит ответный удар». А уважаемая немецкая *Süddeutsche Zeitung* прибегла к такому заголовку: «Российская внешнеполитическая стратегия до сих пор основана на одной-единственной идее – танках». Россия действительно весьма громко заявила о своем возвращении в мировую политику.

После югоосетинского конфликта цены на нефть упали, страна испытала все негативные последствия глобальной рецессии, однако эти затруднения мало по-

¹ Данная статья представляет собой адаптированную версию: Müller, M. Rethinking Identification with the Hegemonic Discourse of a «Strong Russia» Through Laclau and Mouffe // *Identities and Politics During the Putin Presidency: The Foundations of Russia's Stability* / Ed. P. Casula, J. Perovic. Stuttgart, 2009. P. 327-347. См. также: Müller, M. *Making Great Power Identities in Russia: An Ethnographic Discourse Analysis of Education at a Russian Elite University*. Münster, 2008.

вливали на российскую великодержавную риторику. Убеждение, что Россия уже сейчас является или же в ближайшем будущем обязательно станет мировой супердержавой, осталось непоколебимым в ситуации дуумвирата Медведева–Путин. Кризис несколько притормозил реализацию великодержавного проекта, но не создал ни единой предпосылки для его свертывания и сдачи в архив. По крайней мере, такова нынешняя российская государственная идеология.

Рассматривая идентификацию с сильной Россией как проектом, мы предлагаем модель анализа, практически не представленную в трактовках российской национальной идеологии. Эта модель базируется на теоретико-методологических разработках критического дискурс-анализа, инспирированных идеями постструктурализма, с привлечением положений политической географии и теории международных отношений. Политическая география, точнее «критическая геополитика», рассматривает социальное конструирование глобального пространства – вопрос, как определенные нарративы мировой политики становятся очевидными и объективными основаниями идентификаций. Апеллируя к термину «дискурс» как основополагающему концепту, критическая геополитика считает географию полем сражений за право организовывать, захватывать и управлять пространством². Аналогичным образом дискурс является центральным элементом критической теории международных отношений³: он создает системы значений и конструирует новые субъекты. Цель подобной аналитической работы – «демитифицировать процесс конструирования политических субъектов»⁴. Анализ глобальной мировой политики с позиций теории дискурса предполагает скорее не попытки измерить объективные интересы государств как рациональных актеров, привыкших бороться за власть и безопасность, а интерпретации того, как значения и сами политические субъекты международной политики конституируются в заданных контекстах.

Такая аналитическая модель в последнее время получила распространение в интерпретациях российской внешней политики, будучи подкрепленной идеями самых разных представителей постпозитивизма – Алена Бадью⁵, Мишеля Фуко⁶

² Dodds, K. Political Geography III: critical geopolitics after 10 years // *Progress in Human Geography*. 2001. Vol. 25. No. 3. P. 469-484; Ó Tuathail, G. *Critical geopolitics: the politics of writing global space*. Minneapolis, 1996.

³ См., напр., Edkins, J. *Poststructuralism and international relations: bringing the political back in*. London, 1999; George, J. *Discourses of global politics: a critical (re)introduction to international relations*. Boulder, 1994; Milliken, J. The study of discourse in international relations: a critique of research and methods // *European Journal of International Relations*. 1999. Vol. 5. No. 2. P. 225-254.

⁴ Kuus, M. Ubiquitous identities, elusive subjects: puzzles from Central Europe // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2007. Vol. 32. No. 1. P. 90-101, P. 91. См. также Campbell, D. *Writing security: United States foreign policy and the politics of identity*. Minneapolis, 1992.

⁵ Prozorov, S. Belonging and inclusion in European-Russian relations: Alain Badiou and the truth of Europe // *Journal of International Relations and Development*. 2008. Vol. 11. No. 2. P. 181-207.

⁶ Neumann, I. B. Russia as a great power, 1815-2007 // *Journal of International Relations and Development*. 2008. Vol. 11. No. 2. P. 128-151.

и Эрнеста Лаклау⁷. Отталкиваясь от работ Лаклау и Муфф⁸ мы будем следовать постструктуралистской теории дискурса, чтобы показать, сколь крайне противоречив доминирующий сегодня проект сильной России, насквозь пронизанный глубокими сомнениями и опасениями в возможности собственной реализации. Большинству авторов просто не удается проблематизировать эту двусмысленность российских великодержавных фантазий – наоборот, они диагностируют триумф беззастенчивой великодержавной идеологии. Тем не менее, дискурсивное конструирование сильной России тесно связано со страхами ее ослабления вследствие неудачной реализации амбициозных планов жить в соответствии со своим имперским потенциалом и – как итог – маргинализации и выпадения из поля мировой политики.

В качестве эмпирической иллюстрации мы привлекаем результаты этнографического исследования, проведенного в Университете МГИМО (Московском государственном институте международных отношений МИД России), лидере подготовки специалистов по международным отношениям. Интерес к МГИМО для понимания идентификации с сильной Россией обусловлен связями данного высшего учебного заведения с Министерством иностранных дел и российским государственным аппаратом в целом: здесь готовят не только будущих дипломатов, но и молодую смену, которая займет ключевые позиции в российской политике и общественной жизни. В этом смысле проведенное исследование сложно назвать разведывательным кейс-стади: учитывая центральную роль МГИМО в воспроизводстве российской элиты, понимание способов конструирования дискурсов в ее образовании может позволить предсказать тип геополитического мышления будущих руководителей страны.

⁷ Casula, P., J. Perovic. Eds. *Identities and politics during the Putin presidency: the foundations of Russia's stability*. Stuttgart, 2009; Makarychev, A. *Russia's discursive construction of Europe and herself: towards a new spatial imaginary*. 2005. <https://kb.osu.edu/dspace/bitstream/1811/30222/9/MakarychevPaper.pdf>; Morozov, V. *Sovereignty and democracy in contemporary Russia: a modern subject faces the post-modern world* // *Journal of International Relations and Development*. 2008. Vol. 11. No. 2. P.152-180; Müller, M. *Making great power identities in Russia: an ethnographic discourse analysis of education at a Russian elite university*. Zürich, 2009.

⁸ Laclau, E. *New reflections on the revolution of our time*. London, 1990; Laclau, E. *Emancipation(s)*. London, 1996; Laclau, E., Mouffe, C. *Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics*. London, 1985. На русском языке: Гололобов И.В. *Теория политического дискурса Эрнесто Лаклау: введение* // *Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм*. Краснодар, 2003. С.129-136.

Идея великой России

Опрошенные преподаватели и студенты склонны воспроизводить элементы дискурса о России как великой и процветающей стране, находящейся в состоянии подъема. Логика нарративов такова: после 1990-х гг., когда Россия была слабой страной с кучей проблем, разрываемой внутривнутриполитическими противоречиями и поглощенной поисками самой себя, избрание президента Путина в начале нового тысячелетия вывело страну из тупика. Восстановление статуса великой державы артикулируется респондентами МГИМО с помощью целого набора элементов из самых разных, иногда явно конфликтующих геополитических дискурсов. Сама идея сильной России получает весьма различное содержательное наполнение: это и обретение утраченного геополитического влияния на мировой арене, особенно на постсоветском пространстве, и занятие позиции независимого полюса силы в новом многополярном мировом порядке, и защита национального достоинства, и восстановление экономической мощи.

Высказывания студентов о геополитических амбициях России свидетельствуют о самоуверенности молодых поколений, становление которых пришлось на возрождение страны в 2000-х гг. Так, Михаил (студент третьего курса факультета международных отношений) полагает, что России в последнее время удалось сделать головокружительную «карьеру», сменив позицию государства, пусть в разной степени, но очевидно игнорируемого в мировой политике и потому нуждавшегося в помощи и поддержке при решении международных вопросов, на роль ключевого игрока, наиболее ярко проявившуюся в иранском конфликте и членстве в G8 – Большой восьмерке. Ксения (студентка четвертого курса другого факультета) подчеркивает эту ролевую трансформацию, утверждая, что Россия сегодня – это сильное государство, которое уважают и даже боятся другие страны.

Стремление России восстановить свое геополитическое влияние включено в нарратив о возвращении статуса великой державы, утраченного в ходе постсоветских трансформаций, т.е. это не некое новое качество, а то, что всегда по праву ей принадлежало. Лишь немногие респонденты думают, что статус великой державы был безвозвратно утрачен с развалом Советского Союза и вряд ли может быть обретен вновь. Большинство уверено, что так или иначе Россия будет возвращать свое былое величие. Некоторые аргументируют, что российская великодержавность твердо укоренилась в национальном менталитете как вера в то, что России предназначено судьбой быть сильной империей. Например, Сергей (студент третьего курса факультета международных отношений) прямо утверждает, что Россия неизбежно станет сверхдержавой: «На самом деле, если однажды судьба предоставит России выбор, если задаст вопрос, хочет ли она существовать, – то только в качестве великой державы. В определенной степени даже

наши лидеры понимают это. Фраза, что Россия должна либо быть великой, либо вообще исчезнуть, принадлежит Владимиру Путину... Россия должна быть, и мы верим, что ее судьба – быть великой».

Понятие сверхдержавы ассоциируется с конкретными атрибутами и требованиями, которым должна соответствовать претендующая на этот статус страна. В МГИМО в качестве базового атрибута называется, в том числе, то, что Россия должна играть более заметную роль на постсоветском пространстве. Респонденты убеждены, что Россия и бывшие советские республики все еще крепко связаны общей историей и не могут существовать друг без друга: «История показывает, что без друг друга мы живем плохо, что мы привыкли быть вместе... Это означает, что страны СНГ не могут обходиться без нас, а мы – по очень многим важным вопросам – без них» (Любовь, студентка четвертого курса факультета международных отношений).

Хотя убеждение во взаимозависимости и солидарности бывших республик Советского Союза хорошо считывается из высказываний респондентов, студенты и преподаватели МГИМО не менее настойчиво говорят о необходимости независимости страны: сильная Россия – это Россия самостоятельная в своих действиях, которая не оглядывается на других и не позволяет никому диктовать себе условия. Россия – самодостаточная страна, которая должна вести самостоятельную внешнюю политику, не принимая во внимание интересы других государств. В этой смысловой конструкции не предусмотрена интеграция страны в какие-либо крупные международные альянсы: «Я хочу сказать, что России нет смысла вступать в Европейский союз, потому что Россия должна сама стать центром силы. А все страны вступают в ЕС как центр силы. Но Россия должна самостоятельно создать вокруг себя некоторый союз, скорее всего, это будет интеграция в контексте СНГ. Иными словами, Россия должна привлекать другие страны, а не наоборот» (преподаватель).

Только если Россия существенно окрепнет, она сможет действовать как независимый центр силы на мировой политической арене и работать над созданием нового многополярного мира, образ которого неизменно связан с восстановлением позиций влиятельной мировой державы. Крайне редко такая великодержавная модель российского будущего вызывает критические оценки. Так, Борис (студент четвертого курса факультета международной журналистики) – один из немногих студентов, ставящих под сомнение привычные идеалы великой России. Он предлагает иную идею в качестве базиса проекта сильной России: «Для меня великая держава – это, в первую очередь, государство, которое служит образцом добродетелей для всех остальных, примером высоко моральных, высоко культурных политических взаимоотношений; это высоко развитое общество с высоким уровнем самоанализа, играющее важную роль в мировых масштабах и, наконец, с хорошими экономическими показателями. Вот что для меня великая держава».

Таким образом, Борис не отвергает статус великой державы в отношении России, но наделяет само это понятие иными, более гуманистическими атрибутами, не отрицая основного критерия – мирового влияния. Многие коллеги Бориса тоже подчеркивают важность экономических показателей: именно экономический успех подкрепляет российские претензии на лидирующие позиции в международной политике. Он не только определил уважение мировых держав и, вероятно, саму возможность России занять место среди них, но и позволил ей стать признанным лидером на постсоветском пространстве: «Только за счет политической воли, без экономических взаимоотношений и экономического роста было бы невозможно вернуть эти республики в сферу российского влияния, восстановить крепкие связи» (Татьяна, студентка четвертого курса факультета международных отношений). Иными словами, экономическое развитие – не самоцель, но конститутивная основа более крупного проекта – по возрождению сильной России.

Важно подчеркнуть, что различные аргументы в пользу российской силы и независимости необязательно предполагают враждебность или отказ от сотрудничества с Западом. Наоборот, многие студенты считают сотрудничество с Европой и США необходимым, если Россия хочет стать настоящим мировым лидером и войти в рейтинги наиболее влиятельных государств планеты. Так, для Людмилы (студентка четвертого курса факультета международных отношений) подобное сотрудничество – насущная необходимость современного глобального мира, если страна не хочет оказаться среди отстающих. Основа внешней политики нынешней России – призыв к сотрудничеству, а не к агрессивным конфликтам, как в советский период. Иными словами, проект сильной России предполагает конструктивные отношения с Западом при сохранении суверенитета и независимости.

В МГИМО образ сильной самостоятельной России наполнен множеством идей о роли страны в мировой политике и о взаимоотношениях с другими государствами. Сильная Россия – это суверенное государство; не западное и не восточное, а уникальное по способу своего конституирования; объединяющее постсоветское пространство; защищающее российские национальные интересы; экономически процветающее; поддерживающее национальную гордость; восстанавливающее свое мировое влияние и уважение; сотрудничающее со странами Запада. Проект сильной России способен объединить общество, формируя всеобъемлющую и универсальную идею, на которую можно проецировать все геополитические надежды и устремления.

Этот объединяющий эффект – характеристика того, что Лаклау называет пустым означающим (*empty signifier*), которое связывает все различия в цепочку эквивалентности. В этом процессе проект сильной России становится крайне бесструктурным – не имеет никакого собственного смысла и диктуется исключительно предъявляемыми к самому проекту требованиями. Как только значение

других означающих хотя бы частично фиксируется в соотношении с пустым означающим, цепочка эквивалентности начинает структурировать все большую часть социальной действительности. В итоге возникает дискурсивное пространство, где поток различий заперт в пустых означающих как узловых точках дискурсивности, которые и устанавливают определенные значения. Само наличие пустых означающих и создает возможность оформления доминирующих дискурсов⁹.

Успешность и доминирование великодержавного дискурса основаны на стремлении самых разных общественных сил заполнить пустое означающее «сильная Россия». Они проецируют на идею России как великой державы целый спектр различных запросов, поэтому проект сильной России весьма успешен как объединяющий лозунг. Это свидетельствует о способности пустых означающих сглатывать различия – вряд ли кто-то сможет категорически отвергнуть идею России как великой державы. Она удачно объединяет элементы, которые артикулируются очень разными и даже конфликтующими российскими геополитическими дискурсами¹⁰: требования возвращения утраченного влияния в ближнем зарубежье и объединения всех славян – суть славянофильского течения; попытки сделать Россию уважаемым и полноправным членом международного сообщества и вернуть ей статус великой державы обычно ассоциируются с так называемым государственно-патристическим подходом; варианты превращения России в независимый центр силы в Евразии артикулируются в рамках самых разных евразийских моделей; фокусировка на улучшении экономического положения страны характеризует геоэкономический дискурс. Очевидно, что проект сильной России пронизывает все эти дискурсы.

Доминирующая в МГИМО дискурсивная модель очень похожа на обозначаемую Smith, O'Loughlin et al.¹¹ и другими авторами как демократически-государственно-патристическая: Россия выступает как великая держава, отличная от Запада, но, тем не менее, признающая необходимость сотрудничества с ним по определенным вопросам и играющая роль посредника в конфликтах типа иранского. Демократическое государственничество определяет ближнее зарубежье как общее с Россией пространство, жизненно необходимое для реализации ее геополитических интересов и восстановления статуса мировой державы. Smith и O'Loughlin et al. полагают, что демократическое государственничество – доминирующий дискурс

⁹ Laclau, E. *Emancipation(s)*, P. 36-43.

¹⁰ О чем пишут O'Loughlin, J., Ó Tuathail, G., Kolossov, V. *Russian geopolitical culture and public opinion: the masks of Proteus revisited* // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2005. Vol. 30. No. 3. P. 322-335; Smith, G. *The masks of Proteus: Russia, geopolitical shift and the new Eurasianism* // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1999. Vol. 24. No. 4. P. 481-494; Tsygankov, A. P. *Mastering space in Eurasia: Russia's geopolitical thinking after the Soviet break-up* // *Communist and Post-Communist Studies*. 2003. Vol. 36. No. 1. P. 101-127.

¹¹ O'Loughlin, J. et al. *Russian geopolitical culture*. 2005; Smith, G. *The masks of Proteus*. 1999.

властвующих элит и российского массового сознания (он отчетливо прослеживается в высказываниях студентов и преподавателей МГИМО).

Эмпирические данные подтверждают встроенность МГИМО в российский государственный аппарат. Статус элитного вуза гарантирует его выпускникам высокие позиции как в дипломатическом корпусе, так и в структуре государственного управления и корпоративном мире. Выпускники МГИМО сегодня – олигархи, министры, главы государственных институций и топ-менеджеры. МГИМО выступает как институт «посвящения» в элиту, дифференцирующий ту группу, которая самим фактом обучения в этом вузе говорит о своей избранности быть правящей элитой¹². МГИМО дарует будущим элитам право сохранять основополагающие геополитические структуры.

Что мешает реализации проекта сильной России?

В разговорах о сильной России в МГИМО всегда звучат опасения относительно того, насколько страна в принципе способна соответствовать этому образу, воплотить в жизнь эту идентичность. Чаще всего респонденты высказываются в духе «пока еще не сильная Россия», но находящаяся в процессе своего становления таковой. Оптимистические сценарии того, какой Россия должна и может стать, резко контрастируют с суровыми реалиями дня сегодняшнего. Обычно эти противоречия действительности и ожиданий выражают сожаления о нереализованном потенциале: «Вот почему я полагаю, что если мы попытаемся определить российскую ситуацию, то должны сказать, что Россия обладает потенциалом и способностью играть роль одной из мировых держав. Но пока этого не получается» (преподаватель).

Что же мешает реализации проекта сильной России здесь и сейчас? Респонденты называют целый ряд препятствий на пути воплощения в жизнь идентификации мировой державы, но, прежде всего, противодействие Запада возрождению России. «Цветные революции» в государствах постсоветского пространства объясняются западным влиянием, направленным на ослабление России за счет разрыва ее связей с бывшими братскими республиками СССР. Как и в советский период, Запад рассматривается как антагонист России, работающий против нее: «Посмотрите на эти ботанические и садоводческие революции, которые называются цветными. Лимонные революции, шафрановые революции. Ни одна из них не обходится без западных НКО (неправительственных, некоммерческих организаций). На самом деле Запад продолжает работать. Просто в закрытом советском обществе мы не знали, как Запад работал против нас» (преподаватель). В качест-

¹² Bourdieu, P. The state nobility: elite schools in the field of power. Stanford, 1996 [1989].

ве доказательства приводится экспансия Европейского союза и НАТО на восток, которая воспринимается как политика сдерживания России: «Все бывшие советские республики СНГ необдуманно бросаются навстречу Западу, стремятся вступить в НАТО или ЕС. Налицо постоянная тенденция отхода от России, снижения российского влияния в этих государствах» (Татьяна, студентка четвертого курса факультета международных отношений).

Если мы вспомним, что тесная интеграция с бывшими советскими республиками – конститутивная основа дискурса сильной России, то попытки выдергивания этих государств из сферы российского влияния рассматриваются респондентами как атака на эту дискурсивную практику. Запад упрекают в поддержании центробежных тенденций на постсоветском пространстве и потому приписывают ему роль противника России. Две силы соперничают за влияние и «перетягивают друг на друга одеяло» (Юлия, студентка четвертого курса факультета политологии). Иногда эта конкуренция превращается в прямое и явное противостояние Запада и России: «Теперь я думаю, что Украина и Грузия – карты, которые разыгрывают западные страны, в том числе США, чтобы уменьшить российскую сферу влияния, лишить ее политического авторитета и в некоторой степени разрушить саму страну. Я думаю, что это [членство в НАТО] – калач, которым они манят эти страны» (Василий, студент четвертого курса факультета международных отношений).

Дело не только в угрозе утраты связей со странами СНГ и западного противодействия столь желаемому Россией превращению во влиятельную мировую державу – существует мнение, что Россию вообще выталкивают из мировой политики. Глобальное американское доминирование сводит на нет все попытки России построить многополярный мир, в котором признавались бы интересы всех государств, а не только исключительно США. Не приветствуется и российское стремление выступать в статусе развитого европейского государства – наоборот, респонденты говорят об ощущении, что многие западные политики предпочли бы вернуть Россию в прежний формат империалистической захватчицы сфер влияния, подкрепляя тем самым и без того глубоко и прочно укоренившиеся стереотипы восприятия страны: «Еще меня огорчает, что Россия часто играет роль мальчика для битья в международных отношениях, потому что престиж и имидж России в глазах других стран не улучшается вообще или же делает это слишком медленно. Все мои друзья, побывавшие в Европе, говорят, что там Россия воспринимается как монстр. Какие негативные оценки! И на всех конференциях, организуемых специально для российских и европейских коллег, чтобы совместно исследовать какие-то проблемы, Россия выступает как пример всех антидемократических пороков, которые только можно себе представить» (Наталья, студентка третьего курса факультета политологии). Возникает впечатление, что Россию не воспринимают всерьез как равного партнера, скорее смотрят сверху вниз как на отсталую и неразвитую страну: «Что бы мы ни делали, мы остаемся ненадежны-

ми партнерами. Опять и опять налицо попытки создать именно такой негативный имидж России» (Александр, студент третьего курса факультета международных отношений).

Российская готовность сотрудничать с Западом, очевидная в контексте проекта сильной России, разбивается об абсолютное нежелание Запада признавать в ней серьезного партнера. Это непризнание выступает как постоянный и устойчивый топос описаний взаимоотношений России со странами Запада.

Мотив исключения указывает на тесную концептуальную взаимосвязь антагонизма (*antagonism*) и дислокации (*dislocation*), которую подчеркивает Лаклау. Запад выступает как (внешний) враг, угроза российскому великодержавному проекту; констатацию непризнания Западом и сожаление о нереализованном потенциале России можно трактовать как признак (внутренней) дезорганизации. Вместе они препятствуют конституированию сильной России и потому должны быть преодолены, если она действительно хочет стать таковой. Как наиболее предпочтительную стратегию борьбы с антагонизмом и дезорганизацией респонденты называют восстановление в качестве доминирующего дискурса сильной России – чтобы противостоять внешним угрозам, преодолеть изоляцию она просто обязана стать сильнее: «Мы должны усвоить уроки недавнего прошлого и собрать силы, чтобы решить стоящие перед нами задачи. Нас не обижает, что с нами пытаются играть в поддавки и сводить счеты. Пока мы не сильны, никто нам ничем не обязан» (Александр, студент третьего курса факультета международных отношений).

Россия должна реализовывать свой потенциал, если хочет добиться признания на международной арене и положить конец практике своего исключения из мировой политики. Марина апеллирует к СССР как примеру сверхдержавы, которую никто не смел подвергать насмешкам или игнорировать: «Возьмем, к примеру, СССР. Это была великая держава. Никто бы не посмел сказать о ней ничего уничижительного. Конечно, в СССР было много плохого, но все же это была сверхдержава» (студентка четвертого курса). Только если Россия усилит свои позиции, у нее появится шанс преодолеть непризнание и противостояние Запада, начать работать над претворением в жизнь идентичности сильной России. Сама возможность того, что слабая Россия сдастся на милость неких внешних сил, должна быть отвергнута.

Большинство опрошенных студентов МГИМО уверено, что путь России к статусу сверхдержавы лежит через рост экономических показателей. В случае прямого вопроса студенты однозначно заявляют о приоритетности экономических интересов над политическими, объясняя это прагматизмом, который вытеснил идеологический багаж советского периода: «Я думаю, что сегодня позиция России прагматична и идеологически не связана ни с кем конкретно. И даже экономически. По-моему, сегодня двигатель истории – экономика, а не идеология, религия или что-то еще. Мы прагматики и развиваем отношения с теми партнера-

ми, которые к этому готовы» (Иван, студент четвертого курса факультета международной журналистики).

Так же рассуждает Виктор (студент четвертого курса факультета политологии), считающий, что политическое противостояние «обходится слишком дорого – у нас просто нет денег на эту бессмыслицу»; дальновидная экономическая стратегия гарантирует стабильность и рост благосостояния российских граждан. Студенты уверены, что только при условии социального процветания государство может проводить успешную внутреннюю и внешнюю политику: «Я думаю, что сейчас экономические интересы для России более важны, потому что политические идут за ними. Если экономические запросы более или менее удовлетворены, то политические успехи не заставят себя ждать. Это неизбежно. Они всегда идут бок о бок. Но первичны экономические интересы, потому что если люди голодают, то не будут поддерживать политиков, входящих в правительство» (Олег, студент факультета международных отношений). «Говоря в общем, политика – это слова, а экономика – дело. И важнее видеть что-то практическое – это и есть экономика» (Виталий, студент четвертого курса факультета международных отношений).

Для Татьяны пренебрежение экономикой – основная причина развала СССР: «Какова причина распада Советского Союза? Его руководители не понимали, что когда в экономике начинается застой, когда она перестает работать, надо направлять все внимание не на расширение сферы своего влияния, а на экономику. Потому что сильная экономика означает сильную политику, как говорил Маркс. В учение Маркса мы уже не верим, но его постулат остается в силе, и он верен» (студентка четвертого курса факультета международных отношений). Постсоветская Россия, кажется, извлекла урок из своего прошлого и реализует правильную последовательность действий – сначала экономика, потом политика. В конкуренции с другими странами важно добиться их признания: «Улучшая экономическую ситуацию, мы начинаем играть все более важную роль на международной арене, и крупные государства начинают обращать на нас внимание... Я думаю, что мы сначала должны развивать экономику, потому что это необходимо, а уж затем они сами начнут обращаться с нами совершенно по-другому» (Галина, студентка четвертого курса факультета международных отношений). Восстановление экономического потенциала позволит России превратиться из объекта в субъекта международных отношений, активно вмешиваться в мировые политические процессы, избавиться от давления на себя извне и противостоять враждебным силам: «Когда мы окончательно встанем на ноги, обретем экономическую мощь, только тогда и сможем диктовать свои условия» (Лариса, студентка четвертого курса факультета международных отношений).

Таким образом, искомая великодержавность ассоциируется в МГИМО, в первую очередь, с мягкими экономическими воздействиями, а не с жесткими милитаристскими мерами. Приверженность экономическим механизмам выглядит

вполне оправданной, если принять во внимание условия социализации и жизненные траектории интервьюируемых. Когда российская экономика пошла в рост и компании прочесывали рынок труда в поисках молодых специалистов, выпускников МГИМО, обладающих отличной подготовкой, привлекали, прежде всего, предприятия частного бизнеса.

По мнению Лаклау, стремление сделать Россию сильнее, чтобы бороться с враждебными силами, противодействующими осуществлению ее великодержавной идентичности, базируется на иллюзии, что победа над противником позволяет довести до логического конца идентификационную работу. Однако антагонизм не столько препятствует российской геополитической идентификации, сколько является ее необходимым условием. «Я не могу уничтожить контекст, не уничтожив одновременно идентичность того субъекта, который и осуществляет разрушение. Это известный исторический факт: субъект, чья идентичность конструируется в рамках определенной системы противодействия сил, находится с ней в противоречивых взаимоотношениях, потому что последняя и препятствует конституированию его идентичности, и, в то же время, является ее необходимым условием. Поэтому любая победа над системой дестабилизирует идентичность победителя»¹³.

Соответственно, перечисленные выше препятствия парадоксальным образом одновременно и подрывают, и конституируют российскую геополитическую идентичность. Их разрушительное воздействие объясняется тем, что они угрожают и блокируют становление сильной России: из-за них она не может стать тем, чем хочет. Западное влияние на постсоветском пространстве, расширение НАТО и Европейского союза, игнорирование России интерпретируются как причины неотвратимого ослабления страны, которые необходимо нейтрализовать, если Россия хочет когда-нибудь стать сильной державой. В то же время эти факторы конституируют российскую геополитическую идентичность, потому что без них невозможна мысль о сильной России – она должна стать такой, должна восстановить свою экономику, чтобы бороться с угрозами и попытками своей маргинализации, чтобы отразить все враждебные нападки.

Становление геополитического субъекта

Итак, мы видим, что дискурс сильной России обладает всеми необходимыми характеристиками для превращения в доминантный (hegemonic): он успешно объединяет широкий спектр политических запросов и потому может претендовать на объективность и структурировать социальное пространство. И российская куль-

¹³ Laclau, E. *Emancipation(s)*. P. 27.

турная уникальность, и независимость и суверенность на международной арене, и понятие многополярности, и защита национальных интересов, и экономическое процветание, и влияние на постсоветском пространстве – все эти элементы формируют цепочку эквивалентности вокруг пустого означающего «сильная Россия». Эмпирические данные, полученные в МГИМО, показывают, что геополитический дискурс сильной России не формирует ее полностью устоявшуюся, завершенную идентичность, скорее речь идет о недостигнутой пока целостности. Это связано с тем, что процесс становления идентичности сильной России не завершен: она пока не сверхдержава, но постепенно превращается в таковую. Однако многочисленные противодействующие силы препятствуют окончательному закреплению идентичности «сильной России». Угрожая разрушить субъект данной идентификации, ослабить страну, на деле они добиваются прямо противоположного эффекта – возрождения проекта России как сверхдержавы: чтобы бороться с внешними угрозами, Россия должна стать как никогда сильной.

Становление геополитического субъекта основано на идентификации с доминантным дискурсом «сильной России», который, опять же, наталкивается на бурное противодействие, поэтому данная идентификация и не может принять законченный вид. По Лаклау, любой доминантный проект всегда содержит в самом себе возможность собственного отрицания и ниспровержения: «незавершенность и условность обусловлены не только тем фактом, что ни одна доминантная система не может быть окончательно зафиксирована, но и имплицитной противоречивостью проекта самого по себе»¹⁴. Поэтому основополагающие политические проекты всегда нестабильны и постоянно подвергаются вызовам со стороны исключенных из собственного содержания компонентов.

Будучи условием одновременно возможности и невозможности сильной России, слабая Россия всегда присутствует в артикуляциях России-сверхдержавы как ее постоянный изъян. В теории дискурса Лаклау эта ситуация соответствует конституированию субъекта как «содержания означающего. Он стремится вписать себя в означающее символическим образом, но не может найти такое означающее, которое бы его репрезентировало. Поэтому субъект и пронизан конститутивными дефектами. Основной из них – отсутствие самого субъекта, поэтому субъективация через идентификацию с разными подчиненными позициями – ни что иное, как попытка заполнить это отсутствие»¹⁵. У нашего субъекта неудачная структурная идентичность, и он вынужден действовать так, чтобы попытаться заполнить эту структурную недостачу через идентификацию с разными подчиненными позициями и воссоздать воображаемую целостность.

¹⁴ Laclau, E. *New reflections*. P. 28.

¹⁵ Torfing, J. *New theories of discourse: Laclau, Mouffe, and Žižek*. Oxford. 1999. P. 57.

Иная трактовка сильной России

К концу президентства Путина идентификация России как сверхдержавы стала обязательным критерием ее стабильности. В качестве доминантного дискурса проект сильной России породил широкий социальный консенсус вокруг соответствующего пустого означающего, который вполне ощутим и в МГИМО. На сегодняшний день материальные ценности испытывают на прочность российские амбиции стать великой державой. И если мы рассматриваем дискурс сильной России в контексте постструктуралистской теории Лаклау и Муффа, то наше понимание данного проекта можно прояснить следующим образом.

Во-первых, предложенная аналитическая модель акцентирует присущую проекту сильной России двусмысленность, которая проявляется в разрыве между желаемым и действительным состоянием страны, между стремлениями и реалиями. Она обуславливает весьма противоречивые высказывания студентов и преподавателей МГИМО, которые превозносят военную и экономическую мощь страны и одновременно сожалеют о ее маргинализации и исключении из мировой политики. В МГИМО образ будущей сильной России идет только в связке с представлениями о надвигающейся угрозе России слабой. Это соприсутствие слабой России как оппозиции России сильной – основа конституирования великодержавной идентичности. Определения России как сверхдержавы всегда даются через перечисление того, чем она быть совершенно не желает. Именно это обстоятельство упускает классическая внешнеполитическая теория: артикулируемые препятствия на пути России к статусу великой державы – это не некие легко отмечаемые вербальные конструкции, а, прежде всего, сущностная основа самой возможности помыслить о России как о великой державе. Поэтому проект сильной России по определению неполон и с изъянами, но он не может существовать иначе. И любые исследования российской великодержавной идентичности должны быть внимательны к проговариваемым препятствиям ее осуществления, поскольку именно на них эта идентичность и основана.

Во-вторых, российская государственная идентичность (как она репрезентируется в МГИМО) структурируется на основе того, что Лаклау называет конститутивным отсутствием: субъект обладает дефектной идентичностью, которая никогда не будет полной, поэтому вынужден действовать, исходя из постоянной потребности заполнять бреши в этом дискурсивном образовании. Соответственно, респонденты не идентифицируют себя с Россией, которая уже является и осознает себя великой мировой державой, – скорее со страной, которая прилагает массу усилий, чтобы таковой стать. Это различие нельзя считать незначительным – оно свидетельствует о том, что «сильная Россия» может стать доминирующей идентификационной моделью только при наличии противников, которые бы блокировали попытки страны стать великой державой. И тогда сильная Россия артикули-

руется как преодолевшая все препятствия. Исходя из заданной дискурс-аналитической перспективы, все шаги Запада по противодействию и изоляции нарастающей своей потенциал России на деле лишь усиливают и подкрепляют ее великодержавную идентичность (в терминологии Лаклау – формируется очень сильная цепочка эквивалентности).